

КУКРЫНИКСЫ — ЧЕХОВУ

Никогда, вероятно, мы не перечитывали Толстого, Пушкина, Чехова с такой жаждой, как сейчас. Никогда, вероятно, не открывали в них столько неожиданного, столько современного, потому что с новой, глубокой страстностью раскрылось наше сердце родине, всему, что составляет ее гордость, ее славу, ее неповторимую красоту. И никогда, быть может, мы так не ценили лирических отступлений, вкрапленных в ткань повести, не восхищались так пейзажами, в которых великие русские писатели славили гимны своей родине.

Оценивая сейчас иллюстрации художников к произведениям Чехова, мы ищем в них эту трудно передаваемую иными средствами, чем литература, высокую «подстрочную» поэзию. Мы ищем в изображении природы не режиссерской ремарки только о месте действия, а того, что составляет великую прелесть Левитана, Нестерова, Сурикова, — глубокое личное чувство родины.

И главное достоинство 30 рисунков Кукрыниксы к Чехову в том, что художники остро и свежо почувствовали и передали поэтическую подоплеку чеховского творчества. Кукрыниксы говорят: «Страшно было приступить к иллюстрированию Чехова». И действительно, иллюстрировать Чехова — это значит пройти по жизни с писателем, к каждой повести, к каждому рассказу которого надо подобрать все новые и новые ключи, такое многообразие тем и образов охватывает его творчество. Сплошь и рядом в одном и том же произведении Чехова трагическое граничит со смешным, юмор переходит в сатиру или прерывается лирической песней о любви и смерти, сквозь смех слышится непобедимая тоска, в меч-

ту о счастье вторгается страшная жизнь «Мужиков» пореформенной деревни.

Как, например, иллюстрировать «Степь»? Фабула повести появляется, ускользает, стелется и испаряется, как туман в вечернюю пору над лугами. Люди едут, останапливаются поехать и выкупаться, затем едут снова все той же слепящей однообразием дорогой. И вместе с тем, чеховская «Степь» переполнена жизнью. Вся она трепещет голосами земли, травы и неба. Люди, то внезапно появляясь, то исчезая, порой уступают место блистательной картине природы, выливающей и уплывающей из рассказа, как по волшебству.

Кукрыниксы открывают свой цикл «Степи». Они исполняют этот рисунок акварелью в тон прозрачному колориту чеховской повести. Дым от костра подымается к высокому небу, где-то вдали пастется табун. Простор и тишина окружают людей, присевших у костра. Рисунок этот — превосходная увертюра: в нем дается то лирическое ощущение чеховской природы, которое не покидает художников на всем продолжении цикла рисунков.

Однако, вспомните «Степь», чеховскую, только ему присущую смену настроений, контрастов, оттенков. Лирика природы — только один из оттенков в сложной гамме чувств, и хочется, чтобы художники расширили рамки интимно-лирической трактовки образа. Налетает гроза, содро-

гается и стонет степь, молния раскаливает небо. И все это так огромно, стозвонно, могуче! А потом опять тишина и одинокие птицы над степью. И Чехов приносит один из своих патетических монологов — гимн красоте, гимн родине, в котором для художника целая творческая программа: «...во всем, что видишь и слышишь, начинает чудиться торжество красоты, молодость, расцвет сил и страстная жажда жизни; душа дает отклик прекрасной, суровой родине, и хочется лететь над степью вместе с ночной птицей. И в торжестве красоты, в излишке счастья чувствуешь напряжение и тоску, как будто степь сознает, что она одинока, что богатство ее и вдохновение гибнут даром для мира, никем невоспетые... И сквозь радостный гул слышишь ее... призыв: «певца! певца!»

Нет, не передать художнику чеховской «Степи», если он ограничится интимно-лирической трактовкой темы, если он не найдет и иной, патетический строй образов, столь свойственный русской литературе, начиная от «Слова о полку Игореве». Обретя более мужественный стиль изображения «Степи», Кукрыниксы цире и глубже раскроют содержание повести и приблизятся к пониманию нового патетического пейзажа. О таком пейзаже сейчас тоскуют многие художники. Посекая поля сражений, они жадно стремятся передать зрителю высокое, волнующее чувство родины, славу Бородинского поля, бескрайние дороги войны.

Мотив русского пейзажа Кукрыниксы развивают на продолжении всей серии.

Солнце сверкает полуденным зноем в трагикомических сценах («Капитанский мундир»), оно по-степному печет, озаряя белые хаты («Печенег»), мостовую и лабазные вывески провинциального города («Надлежащие меры»). Глубок, ненарушим покой летней ночи на реке («В ссылке») — один из самых пленительных пейзажей всей серии. Такая русская, в снежных сугробах зима в «Бедолобом».

Пейзажи Достоевского — мизансцены для стремительного действия или символы, как звездный небесный свод над Аленшей Карамазовым. Пейзажи, нарисованные Чеховым, так насыщены чувствами самого писателя, что пластический образ природы порой уступает место ее лирическому ощущению. Например, небо «страшно, красиво и ласково, глядит томно и манит к себе, а от ласки его кружится голова».

Такие пейзажи не переведешь на язык изобразительного искусства непосредственно. Они обязывают художника обнаружить всю щедрость своего чувства и воображения. «Всю жизнь, — говорит Горький, — Чехов прожил на средства своей души». К этому зовут художника вся поэтика чеховского творчества. Этот призыв уловили Кукрыниксы.

Но там, где Чехов весело и заразительно смеется, Кукрыниксы едва улыбаются. Очарованные его волшебной поэзией, глубиной и оригинальностью его сатиры и вообще всем безмерным богатством чеховского гения, они придали слишком глубокомысленное толкование «Лошадиной фамилии» и «Налиму», не в пример бле-

сущей сочным юмором превосходной иллюстрации к «Хирургии». Таков размах таланта Чехова, что иллюстратору приходится то и дело перестраивать свою лиру. Чувство жанра в иллюстрировании Чехова играет совершенно исключительную роль.

Чехов вводит пейзаж (и какой пейзаж!) и в повесть о «Человеке в футляре». Трагический ее финал получает новый смысл и значение в созерцании глубокого покоя природы. Кукрыниксы, обостряя этим сатирический образ, рисуют Беликова на фоне яркого солнечного города. Они дают «Человека в футляре» не только страшным и зловещим, но и жалким, и трагическим, вслед за Чеховым осложняя и углубляя этот образ. Иллюстрируя великие произведения русской литературы, Кукрыниксы все дальше и дальше уходят от принципов карикатуры к более сложному и глубокому изображению человеческого характера — к трагикомическому, к сатире. Потому так сильно прозвучал у них образ «Злоумышленника», коротконоготого мужиченки, с его «паучьей суровостью», потому так резко, по-горьковски, вылеплен ими тип кулака («На мельнице») и так насыщена драматизмом сцена объяснения мальчика с матерью. И в «Беглеце» и в толпе, растущейся перед унтером Пришибеевым, художники нарисовали превосходные колоритные фигуры крестьян.

Это уже первые шаги к Чехову, мастеру человеческого характера, драматических коллизий, к художнику народных типов, показанных с чеховской объективностью и чеховским лиризмом. Кукрыниксы — первые художники, которые поставили своей задачей иллюстрировать Чехова в полном объеме и показать его, как большого русского национального художника. Своими 30 иллюстрациями они только проткнули Чехова, но в их рисунках уже заблестело русское солнце, зазвучала сердечная чеховская речь, которая делает этого писателя особенно желанным и любимым сегодня, в дни, когда наш народ в беспощадной борьбе защищает от звериных гитлеровских орд свою жизнь, свою честь, свою культуру.

Наталья Соколова.

Кукрыниксы. Из цикла иллюстраций к произведениям Чехова «Надлежащие меры» и «Накануне поста».